

К.А. Павлов-Пинус

О ЛОГИЧЕСКОМ СМЫСЛЕ ПОНЯТИЯ «ЛОГИКА СМЫСЛА»

Павлов-Пинус Константин Александрович – кандидат философских наук. Институт философии РАН. Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; e-mail: pavlov-koal@ya.ru

В статье обсуждается понятие логики смысла – одно из ключевых понятий в философии А.В. Смирнова. В тексте детализируются соображения, высказанные автором на круглом столе «Концепция «логики смысла» А.В. Смирнова и философия сознания». В отличие от формально-логического подхода, концептуальный каркас которого фундирован в понятии формальной системы, теоретический статус «логики смысла» в полной мере проявляется только в контексте понятия культуры. Выдвигается гипотеза, что логическая форма, соответствующая процедурам смыслополагания, является динамической, а не субстанциальной и в разных культурах характеризуется своеобразной комбинацией регулятивных и конститутивных принципов смыслообразования. Необходимость, которую можно назвать логико-смысловой, проявляет себя в том, что именно она 1) формирует горизонт возможных культуроформирующих конвенций, фиксируемых тем или иным «естественным» языком и соответствующими им практиками, и 2) отделяет сами конвенции – от следствий из них, которые уже имеют не конвенциональную, а условно-необходимую природу.

Ключевые слова: логика смысла, неконвенциональные следствия, локальная открытость, рекурсивная замкнутость, смыслополагание

Для цитирования: Павлов-Пинус К.А. О логическом смысле понятия «логика смысла» // Философский журнал / Philosophy Journal. 2022. Т. 15. № 4. С. 16–25.

В январе сего года прошел круглый стол «Концепция “логики смысла” А.В. Смирнова и философия сознания», посвященный ключевым концепциям А.В. Смирнова. Многие были сказаны во время докладов и дискуссий; еще больше тем и вопросов ждут своего дальнейшего обсуждения. В данной работе мы затронем некоторые детали, относящиеся к одному из самых главных понятий, связующих идеи А.В. Смирнова в единое целое. Речь пойдет о той роли, которую играет *логика* в том смысловом пространстве, которое построил Андрей Вадимович, анализируя концептуальные соотношения арабо-мусульманской и европейской культур смыслополагания.

В современных европейских дискурсах концепция «логика» восходит к Аристотелю и к его пионерским трудам в этой области¹. Несмотря на то, что самого понятия «логика» у Аристотеля не было (в его рассуждениях встречается термин «логический», а также ключевой термин «силлогизм»), всё же весь концептуальный каркас, на столетия вперед определивший повестку логических исследований, четко просматривается в его сочинениях. Аристотелево понятие силлогизма настолько многоаспектно, что вряд ли на одной лишь его основе мы когда-либо получим однозначный ответ на вопрос о том, где проходит линия демаркации между логикой и не-логикой, т.е. между тем, что заведомо относится к сфере логического вообще, а что заведомо не относится. Это понятие, стало быть, легитимирует целое семейство различных подходов к идее логики и делает возможным причислять к этому семейству понятия, находящиеся в «напряженном» отношении друг к другу.

Поэтому для того, чтобы проанализировать понятие «логика смысла» на предмет легитимности считать его действительной частью логической проблематики, бессмысленно начать с аристотелевского определения силлогизма. Родоначальник логики дает такое определение: «силлогизм же есть речь, в которой, если нечто предположено, то с необходимостью вытекает нечто отличное от положенного в силу того, что положенное есть. Под [выражением] “в силу того, что положенное есть” я разумею, что это отличное вытекает благодаря этому, а под [выражением] “вытекает благодаря этому” – что для возникновения необходимости не требуется постороннего термина» (Первая Аналитика, 24b18–24).

Обратим внимание на несколько принципиальных моментов. Аристотелево определение безусловно требует а) наличия *необходимости*, б) связующей между собой *две «единицы» «логоса»* (что переведено как «речь»), в) которые непременно должны *отличаться* одна от другой, и при этом *«вытекают»* одна из другой (буквальный перевод: «*сопутствуя*» одна другой). Особо отметим также и то, что «для возникновения необходимости не требуется постороннего термина»: этот момент является принципиальным для постулирования *автономии* сферы логического по отношению ко всему не-логическому и тем более вне-логическому.

В этой перспективе можно с уверенностью сказать, что логика как теоретическое предприятие – по замыслу автора ее идеи – есть наука (или даже целое семейство наук) *о формах необходимости*, которые определенным образом связывают между собой различные конститuentы «логоса» (языка, речи, мысли...). Логика – как исследовательская проблема, – продолжим эту мысль, нацеливается на *теоретическое прояснение* «природы» той необходимости, *возможность* которой пронизывает всю человеческую речь и мысль. Подчеркнем, что у Аристотеля идет речь именно о *возможности* усматривать некую необходимость между единицами «логоса»: об этом говорит *условность* Аристотелева «если...» в определении силлогизма.

Вот в таком, предельно широком, ракурсе мы и постараемся сделать набросок того, каким образом бы можно было тематизировать понятие «логика смысла», а точнее – словосочетание «логика смыслополагания».

В качестве ближайшего следствия из аристотелевского определения рассмотрим следующее утверждение.

¹ Аристотель. Сочинения: в 4 т. Т. 2: Органон. М., 1978.

Тезис 1: феномен логики, в каком бы то ни было нетривиальном смысле этого понятия, возможен только в таких языках, которые *не являются ни полностью конвенциональными, ни полностью не конвенциональными*.

Подробное обоснование данного тезиса невозможно провести в рамках коротенькой заметки. Поэтому выскажем здесь только основные соображения по данному поводу.

Вообразить себе язык, во всех своих аспектах и моментах состоящий исключительно из (произвольно и постоянно меняющих друг друга) конвенций, конечно же, возможно. Однако очевидным является то, что такой «язык» будет практически бесполезен. Им невозможно бы было «пользоваться», на нем невозможно бы было общаться, фиксировать нормы, обещания, невозможно планировать что-либо, ибо невозможно эффективно соотносить планы с реальностью, и т.п. Все перечисленное выше оказывается возможным только тогда, когда имеется устойчивое различие между конвенциями и неотменяемыми *следствиями* из них.

С другой же стороны, полностью *не-конвенциональный* язык, судя по всему, вообще невозможен (в качестве языка). Некая структура, которая «намертво» и взаимно-однозначно привязана к соответствующей внеязыковой реальности, никакого отношения к понятию языка иметь не может. Это то же самое, что листики дерева начать называть «знаками» веточек, к которым они прикреплены, и всю систему листьев решить называть «языком», прощепленным данным деревом. В еще меньшей степени какие бы то ни было связи между «листьями» можно было бы считать *логическими*.

Переформулируем теперь наше исходное утверждение (Тезис 1) в виде следующего тезиса.

Тезис 2: логика возможна только в таких языках, для которых является принципиальным различие между его *конвенциональными* фрагментами – и (автономными и необходимыми) *следствиями* из этих конвенций, которые (следствия) сами по себе уже не являются предметом (новых) конвенций и (пере)договоренностей. Все следствия исходных конвенций должны быть *необходимым* результатом этих конвенций, и *только* их самих. Следствия не должны быть чем-то таким, что можно бы было пересмотреть, переиначить без оглядки на уже принятые конвенции. Без этого – необходимого, но не достаточного – свойства никакой язык был бы не в состоянии нести в себе знания о логических формах, потенциально в нем заложенных.

Отметим на будущее, что подобное понимание языка имеет далеко идущие следствия, касающиеся «природы» носителей соответствующего языка (а точнее, природы *сознания* этих носителей). С одной стороны, сознание, способное эффективно участвовать в конвенциональных процедурах, должно быть в достаточной степени *свободным от* априорных языковых конвенций. С другой стороны, сознание, не способное самостоятельно усматривать (как необходимые, так и возможные) следствия из существующих конвенций, нельзя было бы рассматривать как сознание компетентного субъекта языкового действия. Ведь принятие конвенций означает также принятие на себя ответственности за *все не-конвенциональные следствия, явно и неявно* подразумеваемые конвенциями.

Именно такое понимание сознания мы находим у А.В. Смирнова: «Человеческое сознание способно к любой из логик смыслополагания. Большая культура возникает тогда, когда какая-то из них получает решающее преобладание в ходе выстраивания общественных институтов и разворачивания

культурных практик. Это преобладание поддерживается любой большой культурой в сознании ее носителей, что никогда не вытесняет до конца способность к другим логикам смыслополагания».

Эта способность сознания к реализации себя в *любой из возможных* логик смыслополагания указывает на еще одно важное и часто упускаемое из виду обстоятельство: *свобода* участия в конвенциональных практиках, а также *свобода* самоопределения являются чем-то таким, без чего вообще невозможна логика. Обычно логику мыслят как феномен, вообще никак не связанный с проблематикой свободы. Но это неверно. Логика – это социальное, коммуникативно и культурно обусловленный (эпи)феномен, условия возможности которого пронизаны разнообразными формами «свободы» и «многовозможности». Без этого «фона альтернатив» логика вообще не имеет смысла как наука о, так сказать, «условных необходимостях».

Вернемся к вопросу о границах логики и к теме «логики» процессов смыслополагания (для осторожности возьмем пока слово «логика» в кавычки). В связи с тем, о чем шла речь выше, выскажем теперь одну гипотезу. Этой гипотезы придерживается множество современных логиков, тем не менее она нам представляется плохо обосновываемой.

Гипотеза 1: вся совокупность (или какая-то ее подходящая часть) необходимых не-конвенциональных следствий базовых конвенций и есть то, что формирует *весь* массив логической предметности (в рамках соответствующего языка или культуры).

Довод в пользу этой гипотезы звучит довольно просто и на первый взгляд убедительно: за пределами совокупности не-конвенциональных следствий вообще нет никаких не-эмпирических необходимостей. А логика не может иметь своим истоком эмпирические формы необходимости.

И тем не менее возникает следующий вопрос: а по каким правилам, благодаря чему оказались возможны сами конвенции? Разве сами конвенции не являются уже результатом предварительной *логоико-смысловой* работы?

Если бы *Гипотеза 1* была верна, то словосочетание «логика смысла» действительно представляло бы собой лишь метафору, не имеющую подлинно логического смысла. Значит – если мы хотим отстоять логический статус словосочетания «логика смысла», – по крайней мере, часть логического инструментария нужно попытаться обоснованно проинтерпретировать как *предшествующую* конвенциям, существующим на *данный* момент.

Постараемся нащупать пропущенное звено. Присмотримся внимательнее к условиям возможности самого феномена «конвенция» и к его смыслу. Является ли это понятие синонимом абсолютного произвола? Разве верно утверждать, что всё что угодно может быть результатом конвенции касательно всего что угодно?

Такую ситуацию вообразить, конечно же, можно, но, как мы уже сказали, целиком конвенциональный язык был бы не способен решать какие бы то ни было задачи, ни практические, ни теоретические. Любой естественный язык – своими инструментальными измерениями – вписан в контекст целенаправленной деятельности, включающей в себя как внеязыковые свои конституенты, так и формы взаимодействия с другими языками. Автономия языка заключается не в том, что он вообще независим от эмпирии, а в том, что он является инстанцией, способной *самостоятельно изменять* эмпирию, взаимодействуя с ней в режиме постоянных обратных связей.

Но это значит, что конвенции существуют вовсе не в пространстве абсолютного произвола и вседозволенности, а в рамках *исторически предзаданного спектра* (смысловых, когнитивных, деятельностных и пр.) возможностей. Спектр возможностей новых конвенций жестко предопределен а) *предшествующим* набором конвенций, б) *следствиями* старых конвенций и в) постоянно меняющимися *эмпирическими конфигурациями деятельностного контекста*, включающими в себя как внеязыковую часть, так и факты столкновения с сообществами людей, живущих сообразно иной матрице конвенций.

Если наши рассуждения верны, то разговор о смыслополагании не может быть ограничен ни узкими рамками того или иного семантического подхода, ни подхода семиотического. Рамочным понятием, задающим подходящий масштаб рассмотрения, является понятие *культуры* (точнее, конкретных культур, во всех их историческом многообразии), потому что именно культуры представляют собой те минимальные единицы, которые социально-..., коммуникативно-..., семантически-..., межпоколенчески *замкнуты* относительно соответствующих конвенций, их следствий и их дальнейших исторических метаморфоз.

Проиллюстрируем произвольность спектра простыми соображениями. Представляется очевидным, что, например, китайская культура ни при каких обстоятельствах не превратится в одночасье, скажем, в индийскую или арабскую культуру. Крайне маловероятно, что и за тысячи лет постепенных трансформаций может случиться нечто подобное. У каждой культуры имеется *свой собственный* горизонт открытых ей возможностей, который при этом является фактором, закрывающим ряд возможностей *иного* культурного типа. Последнее утверждение остается верным, даже если принять во внимание всевозможные факторы межкультурного взаимодействия.

Данные соображения позволяют ввести два полезных понятия. С одной стороны, каждая культура является очевидно *локально открытой* (в будущей). С другой же стороны, каждая культура является *рекурсивно замкнутой*. Все культуры замкнуты не в своем *наличном* состоянии, а только в перспективе целостного спектра возможностей, предоставляемых им совокупностью (как правило, взаимоисключающих) сценариев межпоколенческих трансляций и потенциальных исторических трансформаций.

Сочетание локальной открытости с рекурсивной замкнутостью всякой культуры позволяет вплотную подойти к вопросу о том, что же такое логика смыслополагания – в перспективе такого макромасштабного понятия, как культура. Рассмотрим следующую формулу, *рекурсивно* связывающую между собой произвольную культуру K , ее смысловой ресурс $CP(t)$ в момент времени t и исчерпывающий спектр ближайших открытых этой культуре возможностей смыслового разворачивания (которые можно реализовать в момент времени $t+1$):

$$(\Phi): \\ [K, CP(t)] \rightarrow [\text{Полный спектр ближайших возможностей}(t+1)];$$

Расшифруем смысл этой формулы в виде отдельной гипотезы.

Гипотеза 2. При данных стартовых условиях (т.е. при данном семантическом ресурсе, при данном типе рекурсивной замкнутости, обеспечивающем смысловое разворачивание) *полный* спектр ближайших возможностей

развития данной культуры² является *необходимым* следствием культуры К в ее наличном состоянии. *Существующие* конвенции – это только часть семантического ресурса, которым обладает любая конкретная культура. Именно поэтому область логического выходит за пределы существующих конвенций в историческое и генетическое измерение всякой культуры, а эти измерения никогда не бывают полностью конвенциональными.

Только то, что будет происходить *внутри* спектра, может оказаться подвластным случайностям, эмпирическим обстоятельствам и быть предметом новых конвенций. Но сам же спектр ближайших возможностей как таковой – если рассмотреть его во всей полноте – есть необходимое следствие наличного состояния культуры К, уже никак не зависящее от эмпирии. От эмпирии зависит только то, что внутри спектра, а вовсе не сам спектр как целостный горизонт ближайших возможностей развертывания.

Напрашивается вопрос: а чем эта формула, представляющая собой шаг рекурсивного разворачивания той или иной культуры, отличается от любой другой математической рекурсии? Разве у нас есть хоть какие-то основания всерьез считать, что, например, рекурсивная формула $f(n+1)=f(n)+1$ является *логической*? Что именно придает логический статус формуле Φ ?

Говоря коротко, можно ответить так. В отличие от любой математической рекурсивной формулы, формула Φ , понятая как *дескрипция наличного состояния культуры К*, фактически представляет собой (простейшую) *фигуру понимания-себя-в-мире* любого представителя любой культуры К. Φ – это чисто формальная схема «вброшенности» всякого носителя культуры К в ее наличное смысловое пространство в момент времени t . Человеческое бытие устроено так, что человеку *не дано выбирать* свои «стартовые условия» и, стало быть, не дано менять по своему произволу целостный спектр возможностей, открытых человеку в «точке» (К, t). Человеку дана лишь возможность *ориентироваться* в пред-данном ему спектре, так или иначе самоопределяясь *внутри* этого горизонта. Сам же горизонт, во всей его целостности, является неподвластной человеку *необходимостью*.

Тривиальность формализма, воплощающего лишь малую часть того, на что указывает Φ , не позволяет отобразить, в частности, *факт невозможности выбирать свои собственные стартовые условия*. Но это не принципиальный изъян отстаиваемой нами идеи, а 1) вопрос обогащения соответствующего формализма, а также 2) указание на то, что этот формализм необходимо принимать вместе с подразумеваемой интерпретацией – иначе мы действительно не сможем отличить логическую рекурсию от не-логической.

На этом месте можно выдвинуть еще одно возражение: а чем тогда формула Φ отличается от «вброшенности» человека в т.н. законы физики? Разве законы физики не являются неподвластной человеку формой необходимости? И на каком основании считается неправомерным придавать физическим законам – *логический* статус?

Ответ очень прост. Естественнаучные законы не полностью определяют «конфигурацию» мира в целом, а только регулируют спектры

² Используемое нами понятие фактически перекликается с понятием «Зоны ближайшего развития», введенным в недавней монографии: Розов Н.С. Происхождение языка и сознания. Как социальные порядки и коммуникативные заботы порождали речевые и когнитивные способности. Новосибирск, 2022.

его возможных конфигураций. Детерминанты человеческого бытия далеко выходят за рамки списка естественнонаучной аксиоматики. Спектр физических возможностей, предоставляемый законами физики любому человеку в любой момент времени, несоизмеримо шире любого логико-смыслового спектра, предоставляемого людям их социокультурными обстоятельствами. Логические возможности – это всегда только крохотная собственная часть более широких горизонтов возможностей, предоставляемых физикой, биологией и т.п. Поэтому здесь никакого концептуального противоречия нет.

В заключение этого раздела заметим следующее. Итак, понятию «логика смысла» можно придать собственно логический смысл только в рамках теоретического каркаса, где масштаб рассмотрения задается понятием культуры, вместе с ее историческими и генетическими аспектами. Логика смысла здесь оказывается инстанцией, формирующей тот фундаментальный уровень «условных необходимостей», откуда черпает свою легитимность уже вся прочая логическая проблематика. Вопросы о том, что такое истинность, что значит быть фактом, что значит быть моделью, что значит быть необходимостью (физической, логической и т.п.) решается именно на этом, базовом логико-смысловом уровне. Причем решается по-разному в разных культурах. Микромасштабную конкретику в различии между разными «логиками смысла» мы здесь рассматривать не будем. Эта огромная и непростая работа проделана в трудах А.В. Смирнова³, В.С. Библера⁴, А.В. Ахутина⁵ (и некоторых других), если говорить только об отечественной исследовательской литературе.

Перекинем напоследок мостик еще в одном направлении. Здесь нам поможет книга Е. Драгалиной-Черной «Неформальные заметки о логической форме»⁶. Наш смысловой мостик пока является чисто гипотетическим, и вполне может оказаться, что подмеченный нами смысловой параллелизм будет иметь иллюзорный или даже сбивающий с толку характер. Однако даже опровержение предполагаемой концептуальной близости может оказаться полезным, поскольку несет возможность существенного уточнения сравниваемых подходов и понятий.

Одно из ключевых различий, рассматриваемых в этой книге, – различие между субстанциальной и динамической логическими формами. Бездоказательно сделаем несколько утверждений, в дальнейшем, конечно же, требующих своего аккуратного обоснования. Но для начала поясним, какой смысл вкладывается в эти понятия автором «Неформальных заметок».

«Согласно Гуссерлю, – пишет Драгалина-Черная, – логика является апофантической дисциплиной, то есть учением о суждениях и их преобразованиях в умозаклучениях, и, вместе с тем, *формальной онтологией* (курсив автора. – К.П.) – априорным учением о формальных структурах предметности»⁷. Фокусировка на предметности, и тем более на определенным образом понятым формальным объектах, «не предполагает отнесения характеристики формальности к той *деятельности* (курсив автора. – К.П.),

³ Смирнов А.В. Логика смысла как философия сознания: приглашение к размышлению. М., 2021.

⁴ Библиер В.С. От наукоучения к логике культуры: Два философских введения в XXI век. М., 1991.

⁵ Ахутин А.В. Тяжба о бытии. М., 1996.

⁶ Драгалина-Черная Е.Д. Неформальные заметки о логической форме. СПб., 2015.

⁷ Там же. С. 101.

в результате которой возникают подобные формальные объекты. Переключение внимания на эту деятельность означает, в свою очередь, переход от субстанциальной к динамической модели формальности»⁸.

Сказанного достаточно, чтобы понять, что идею «логики смысла» невозможно «схватить» субстанциальной концепцией логической формы, так как средоточием этого понятия являются *процедуры* смыслополагания. А последние имеют характер либо сознательной деятельности (в редких случаях), либо же автоматически разворачивающихся смысловых процессов (в большинстве случаев). Поэтому если и пытаться усматривать какие-либо переключки в рамках современного горизонта логических исследований, то нужно смотреть в сторону исследований, ориентированных на динамику. Отсюда и наш интерес к динамической формальности. Уточним, что это такое.

«Динамическая модель – поясняет Драгалина-Черная – берет начало от схоластической концепции логики как формального *искусства* и характеризует особый способ *следования правилу* (курсив мой. – К.П.)»⁹. В чем здесь близость к идее логики смыслополагания? Как мне кажется, в двух моментах. Во-первых, смыслополагание тоже имеет характер некоторого искусства («умения» в самом широком смысле слова). Во-вторых же, если расширить горизонт рассмотрения и заменить идею «следования правилу» идеей «подражания образцу», то гипотеза, утверждающая, что и логика смысла также может рассматриваться как *некое искусство разворачивания смысла с оглядкой на существующие образцы* смыслового разворачивания; образцы, закрепленные данной культурой, ее ритуалами, принципами общения и т.п., оказывается вполне жизнеспособной.

Поэтому, в свою очередь, и динамическая формальность может оказаться полезным инструментом при изучении идеи «логики смысла», ведь «динамическая формальность может рассматриваться как регулятивная (регулирующая независимо от нее существующую деятельность) и конститутивная (образующая условия возможности деятельности)»¹⁰.

Заметим между прочим, что вместе с неприменимостью субстанциального подхода необходимо будет отказаться и от «атомистических» концепций выстраивания сложного из простого, и от идеи комбинаторности. Насколько я понимаю, оппозиция часть–целое вообще здесь оказывается неработающей: сама *идея* целого здесь выстраивается не по принципу часть–целое, а, скорее, на основе отношения прообраз–проекция.

О различии между субстанциальной и динамической формальностью мы заговорили вовсе не ради классификации. Чтобы дополнительно прояснить суть этого различия, зададимся теперь вопросом, который, возможно, надо было поставить с самого начала. А зачем, собственно, нужна логика? Что в ней такого «ценного», что вот уже почти три тысячи лет эта умозрительная сфера культивируется как в рамках европейской культуры, так и за ее пределами? Почему именно логика, а вместе с ней и рациональность являются культуроформирующими идеями?

Ответим на этот вопрос словами Отто Вайнингера, которого цитирует Е. Драгалина-Черная в самом конце своей книги: «В своей же основе... логика и этика совершенно тождественны: обязанность по отношению к самому

⁸ Там же.

⁹ Там же. С. 6.

¹⁰ Там же.

себе». Социальной и культурной значимостью, стало быть, логика обладает в качестве коллективного проекта по формированию человеческого общежития, конституированного – ни много ни мало – принципами этических обязательств, принципам верности своему слову, мысли и делу. В этом и заключается непреходящее значение логики как предмета особой заботы мыслящего человечества. И понятие динамической формальности, а вместе с ним и идея логик(и) смысла существенно восполняют логический арсенал современных исследований, который был бы значительно беднее, будь он ограничен исключительно субстанциальным пониманием логической формальности.

Список литературы

- Аристотель*. Сочинения: в 4 т. Т. 2: Органон / Ред. и вступ. ст. З.Н. Микеладзе. М.: Мысль, 1978. 688 с.
- Ахутин А.В.* Тяжба о бытии. М.: Русское феноменологическое общество, 1996. 304 с.
- Библер В.С.* От наукоучения к логике культуры: Два философских введения в XXI век. М.: Политиздат, 1991. 413 с.
- Драгалина-Черная Е.Д.* Неформальные заметки о логической форме. СПб.: Алетейя, 2015. 202 с.
- Розов Н.С.* Происхождение языка и сознания. Как социальные порядки и коммуникативные заботы порождали речевые и когнитивные способности. Новосибирск: Манускрипт, 2022. 355 с.
- Смирнов А.В.* Логика смысла как философия сознания: приглашение к размышлению. М.: ЯСК, 2021. 448 с.

The logical meaning of the concept of “logic of sense”

Konstantin A. Pavlov-Pinus

Institute of Philosophy, Russian Academy of Science. 12/1 Goncharnaya Str., Moscow, 109240, Russian Federation; e-mail: pavlov-koal@ya.ru

The article discusses the concept of logic of sense – one of the key concepts in the philosophy of A.V. Smirnov. The text details the considerations expressed by the author at the round table “Process logic and philosophy of consciousness”. Unlike the formal-logical approach, the conceptual framework of which is based on the concept of a formal system, the theoretical status of the “logic of sense” is fully manifested only in the context of the concept of culture. The logical form corresponding to the procedures of sense-generation is dynamic, not substantial. In different cultures, it is characterized by a peculiar combination of regulatory and constitutive principles for the generation of intersubjective semantics. The necessity, which constitutes logical aspects of sense generation, manifests itself in the fact that it 1) forms the horizon of possible culture-forming conventions fixed by one or another “natural” language and their corresponding practices, and 2) separates the conventions themselves from their consequences, which are already not conventional.

Keywords: logic of sense, unconventional consequences, local openness, recursive closure, sense-generation

For citation: Pavlov-Pinus, K.A. “O logicheskom smysle ponyatiya ‘logika smysla’” [The logical meaning of the concept of ‘logic of sense’], *Filosofskii zhurnal / Philosophy Journal*, 2022, Vol. 15, No. 4, pp. 16–25. (In Russian)

References

- Akhutin, A.V. *Tyazhba o bytii* [The Being Litigation]. Moscow: Russkoe fenomenologicheskoe obshchestvo Publ., 1996. 304 pp. (In Russian)
- Aristotle. *Sochineniya* [Collected works], Vol. 2, ed. by Z.N. Mikeladze. Moscow: Mysl' Publ, 1978. 688 pp. (In Russian)
- Bibler, V.S. *Ot naukoucheniya k logike kul'tury: Dva filosofskikh vvedeniya v XXI vek* [From Science of Knowledge to the Logic of Culture: two philosophical introductions into the XXI century]. Moscow: Politizdat Publ., 1991. 413 pp. (In Russian)
- Dragalina-Chernaya, E.D. *Neformal'nye zametki o logicheskoi forme* [Informal notes on logical form]. St. Petersburg: Aleteiya Publ., 2015. 202 pp. (In Russian)
- Rozov, N.S. *Proiskhozhdenie yazyka i soznaniya. Kak sotsial'nye poryadki i kommunikativnye zaboty porozhdali rechevye i kognitivnye sposobnosti* [The origin of language and consciousness. How social orders and communicative concerns generated speech and cognitive abilities]. Novosibirsk: Manuscript Publ., 2022. 355 pp. (In Russian)
- Smirnov, A.V. *Logika smysla kak filosofiya soznaniya: priglashenie k razmyshleniyu* [Logic of sense as a philosophy of consciousness: an invitation to reflection]. Moscow: YASK Publ., 2021. 448 pp. (In Russian)